

"ОБЛАКА" (15.03.2011)

В эфире программа «Облака».

Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Здравствуйте. У микрофона Ирина Новожилова.

В соответствии с положениями статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, осужденный вправе обратиться в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении. В ходатайстве «должны содержаться сведения, свидетельствующие о том, что для дальнейшего исправления осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, поскольку частично или полностью возместил ущерб или иным образом загладил вред, причинённый в результате преступления, раскаялся в совершённом деянии».

Условно-досрочное освобождение является сильнейшим стимулом к тому, чтобы осужденный не нарушал установленный порядок отбывания наказания, стремился вернуться в общество полноценным и полноправным его членом.

Однако практика применения условно-досрочного освобождения уже давно вызывает много вопросов и не удовлетворяет ни самих осужденных, ни федеральную службу исполнения наказаний, ни потерпевших.

Вот что пишет дочь 53-летней женщины, отбывающей 7-летний срок за убийство: «В настоящее время моя мама отбыла чуть больше двух третей срока наказания. Мама обратилась к администрации колонии с ходатайством об условно-досрочном освобождении. Администрация ходатайство поддержала. Но суд отказал. Мотивом отказа послужил большой остаточный срок и тяжесть статьи. Но ведь закон предусматривает именно такой остаточный срок при такой тяжести статьи. Хочу заметить, что такая практика характерна для этой колонии уже давно. Условно-досрочно отпускают исключительно тогда, когда осталось 2-3 месяца, максимум полгода, до конца срока.» Надо отметить, что эта женщина не имеет ни одного взыскания, впервые осуждена, у нее 8 благодарностей за безупречный труд и активное участие в жизни колонии и отряда. Кроме того, она перенесла операцию по поводу рака молочной железы, ей требуется регулярное обследование и настоящее лечение.

А вот что написали в прокуратуру родственники убитого гражданина П.:

«Мы случайно узнали, что убийцу освобождают условно-досрочно. У нас это не укладывается в голове. Как можно извергов, которые ударами ножа обездвигили нашего брата, жестоко издевались, избивали и потом ещё живого утопили в озере, освобождать условно-досрочно. Государство жалеет, освобождает досрочно таких убийц, но не считает за людей потерпевшую сторону, глумится над нами, над нашей болью».

Согласно ч.2 ст.43 Уголовного кодекса РФ, «наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений». В подобных же случаях трудно говорить о торжестве справедливости. Обратим внимание также на то, что родственники убитого узнали о решении суда случайно. Следует заметить, что многие суды, как правило, не считают нужным уведомлять потерпевших о предстоящем судебном процессе по условно-досрочному

освобождению, что на взгляд юристов-правозащитников является нарушением прав потерпевших.

Этот вопрос не нашел отражения в известном Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 года «О судебной практике условно-досрочного освобождения». Постановление было принято в связи с тем, что у судов возникли вопросы при применении законодательства об условно-досрочном освобождении от наказания. Как видим, серьезные вопросы могут возникать и у потерпевших.

* * *

В нескольких регионах практика исполнения рекомендаций, содержащихся в Постановлении, стала предметом специального исследования фонда «В защиту прав заключенных». Результаты исследований делится юрист Фонда **Валентин Богдан**:

«Я провел анализ – собрал со специальных сайтов по рязанским судам, как там происходит УДО. УДО для сотрудников правоохранительных органов – для прокуроров бывших и так далее, для этой категории, у них четко оно срабатывает. Я даже не против, чтоб именно закон примерялся таким образом. Но он у нас применяется выборочно. Вот у них все гладко. Как относительно всех остальных осужденных, то все...уже там начинают прокуроры выдавать такие перлы: «наличие погашенных взысканий свидетельствует о нестабильности поведения.»

Исследования фонда показали, что судьям порой не хватает четкости и однозначности в рекомендациях, содержащихся в Постановлении Пленума Верховного суда: так, например, в документе говорится, что «Вывод суда...должен быть основан на всестороннем учете данных о поведении осужденного за весь период отбывания наказания, а не только за время, непосредственно предшествующее рассмотрению ходатайства или представления». С другой стороны, взыскания, полученные осужденным в начале срока, к моменту подачи ходатайства об условно-досрочном освобождении могут быть уже погашены, следовательно, не имеют правовой силы и не должны учитываться при рассмотрении ходатайства. В разговорах с **Валентином Богданом** судья сетовала на недостаток определенности некоторых положений Постановления:

«Вот пусть Верховный суд нам даст четкие указания. Чтоб не было вот этих разночтений. Они на самом деле есть в том самом Постановлении. Я говорю, а почему вы тогда применяете вот этот пункт, а вот этот пункт полностью игнорируете. А она говорит, потому что прокурор имеет свою точку зрения. А прокуратура там, как ни странно, независимо от того, что суды якобы независимы, они полностью поддерживают мнение прокурора.»

Прокурор при рассмотрении ходатайств об условно-досрочном освобождении, таким образом, может, по мнению юристов-правозащитников, играть очень важную и подчас решающую роль. Юристы отмечают, что иногда само присутствие на процессе конкретного помощника прокурора совершенно точно предсказывает неблагоприятный для осужденного исход дела.

* * *

11 марта, в канун профессионального праздника работников уголовно-исполнительной системы, директор федеральной службы Александр Реймер признал, что «систему УДО нужно менять коренным образом, делать ее прозрачной и понятной. Сейчас она настолько подвержена коррупции, что теряет свой смысл».

В том, что институт УДО не работает, с г-ном Реймером согласны и представители гражданского общества, обеспокоенные соблюдением прав человека в местах лишения свободы. У микрофона журналист и правозащитник **Зоя Светова**:

«Самая главная проблема, как мне кажется, в том, что система условно-досрочного освобождения вообще не работает. По тем сообщениям, которые я получаю из колонии, по письмам, которые я получаю, я вижу, что очень большая проблема, что людей освобождают по УДО только тогда, когда остается очень маленькая часть срока. Несколько месяцев всего. И я знаю, что в некоторых регионах, например, Орловской области, - об этом даже пишут в местной прессе – есть у судей такая установка, чтобы не отпускать людей по УДО, отпускать, когда им остается всего 2-3 месяца до освобождения. Это вопиющая практика.»

В качестве одного из главных рецептов упрощения порядка условно-досрочного освобождения предлагается исключить из этого процесса суд и прокуратуру. Так, по мнению Андрея Бабушкина, председателя Комитета за гражданские права, судам нужно оставить только функцию судебного контроля за решением, принимаемым учреждением уголовно-исполнительной системы. Свою позицию **Андрей Бабушкин** объясняет так:

«Сегодня руководство учреждений фсиновских намного лучше понимает критерии исправления, ответственность осужденных, ответственность самого учреждения, нежели суды. Судьи в этой системе чужие. Они не понимают самого процесса исправления, они работают по шаблону. Они не несут ответственности, ни если человеку отказали в УДО, и у него умерли родственники, ни если человека освободили условно-досрочно, и он через три дня совершил новое убийство. Кто несет за это моральную, а в некоторых случаях юридическую ответственность? Ответственность такую несут администрации мест лишения свободы и следственных изоляторов. Поэтому я бы сегодня поддержал предложение ФСИН о том, что передать именно учреждениям уголовно-исполнительной системы функции о решении вопроса об условно-досрочно освобождении, но вместе с тем оставить за судами судебный контроль. Чтоб с одной стороны, суды как по инициативе прокурора, так и по инициативе самого осужденного, его родственников, защитника, адвоката, имели возможность корректировать позицию, занятую учреждением уголовно-исполнительной системы. Если сегодня бы мы передали бы в руки администрации учреждений решение данных вопросов, я убежден, что количество условно-досрочно освобождаемых увеличилось бы примерно процентов на 30 было бы адекватно реальным процессам исправления человека. Мы же видим, что к сожалению за последние 5 лет во многих регионах России если не в большинстве, условно-досрочное освобождение стало фикцией.»

Зоя Светова, однако, называет желание ФСИН отказаться от судов странным, поскольку не может поверить в благие намерения тюремщиков. По ее мнению, надо просто создать механизм, который бы заставил и судей, и администрацию колоний выполнять закон.

* * *

Недавно директор ФСИН обратился с письмом в Новую газету, где в ответ на серию авторских публикаций Ольги Романовой, посвященных тюремной тематике, выразил готовность внимательно ознакомиться с предложениями правозащитников и представителей гражданского общества относительно реформирования института Условно-досрочного освобождения. В своем письме Александр Реймер поставил вопрос, не имеет ли смысл сделать условно-досрочное освобождение «автоматическим, но при соблюдении осужденными некоторых правил». Сейчас Ольга Романова собирает мнения читателей Новой газеты и зарубежный опыт, с тем, чтобы предложить наиболее оптимальные решения этой проблемы. О некоторых выводах уже можно говорить и сегодня. У микрофона **Ольга Романова**:

«В чем мы сходимся, однозначно сходимся, нужно убирать суды и прокуратуру, из решения вопроса об условно-досрочном освобождении заключенного. Возможно, стоит сделать его автоматическим, при соблюдении огромного списка требований, начиная от поведения, взыскания и заканчивая характеристикой, достижениями и прочая-прочая-прочая. Явно совершенно должна быть сделана какая-то единая электронная система-база данных, в которых невозможно было бы внести изменения задним числом. Чтоб невозможно было убрать за деньги взыскание, записанное за заключенным, или невозможно было бы задним числом, наоборот, приписать ему плохое поведение тогда, когда человека не хотят выпускать по каким-то личным или уж тем более коррупционным причинам.

Позиция Андрея Бабушкина, она понятна, и я с удовольствием ее поддержала бы целиком и полностью, если бы не один маленький пункт. Несмотря на разные письма о давлении на судебную систему, нельзя не признать, что наша судебная система нуждается в реформировании как ничто другое – срочная и коренная должна быть реформа. Поэтому безусловно возможность обращения в суд по поводу отказа в УДО, конечно, было бы неплохо сохранить, если мы с вами признаем, и скажем друг другу, и скажем слушателям, скажем обществу, и скажем властям: да, ребята, у нас хорошая судебная система, ну, пусть не отличная, но хотя бы там, «нормальная» судебная система, работающая четко, без нареканий и вполне принимающая какое-то общественное возмущение по поводу тех или иных очевидно заказных дел.»

Правозащитники и члены региональных общественных наблюдательных комиссий за местами принудительного содержания выступают за то, чтобы в этом процессе участвовала общественность. Это поддерживает и Александр Реймер, однако, как на практике реализовать это общее стремление, пока неясно: сейчас участие наблюдательных комиссий сводится к тому, что они получают от осужденных жалобы на необоснованное наложение взысканий, на несвоевременное оформление документов. Комиссия Алтайского края в своем годовом отчете Уполномоченному по правам человека в РФ Владимиру Лукину делает вывод, что характеристика, которую администрация дает осужденному, представляет собой «мощный рычаг для оказания на него воздействия и создает возможность для процветания коррупции».

Ольга Романова считает, что нельзя отдавать процедуру вынесения решений по условно-досрочному освобождению на откуп какому-то одному ведомству. И с этим трудно не согласиться. То, каким образом в конечном итоге произойдет перестройка этого института, зависит, в том числе, и от нас – всех, кому не безразлична судьба заключенных. Свои мнения и предложения вы можете присылать в адрес редакции Новой газеты: 101990, Москва, Потаповский переулок, дом 3. Романовой Ольге Евгеньевне.

Вы слушали программу Облака.

Всем привет.